

Автобиография О.Г. Ивановского

По изданию:

Дороги в космос. Воспоминания ветеранов ракетно-космической техники и космонавтики. В 2 т. – Т. II. – М.: Изд-во МАИ, 1992. – 152 с.

«Родился я 18 января 1922 года в Москве. Детство провёл в Подмосковье в поселке Тайнинская, недалеко от Мытищ. В 1940 году окончил московскую среднюю школу им. Радищева. Это была знаменитая «радищевка» - опытно-показательная школа, учёба в которой на долгие годы осталась в моей памяти. В октябре 1940 года по существующим тогда правилам я был призван на службу в Красную Армию. Меня направили в пограничные войска на Западную границу, где я и служил рядовым в 92-м пограничном отряде, в городе Перемышле, до апреля 1941 года. К этому времени я окончил учебный батальон и служил на заставе, был комсоргом заставы и членом комсомольского бюро погранкомендатуры. И вот здесь мне хочется проследить любопытное совпадение некоторых дат моей жизни. В истории отечественной и мировой космонавтики известна дата 4 октября 1957 года. Так вот, ровно за 17 лет до этого, 4 октября 1940 года, я уехал из Москвы служить на границу. И ещё одно памятное совпадение: 12 апреля 1941 я получил телеграмму из штаба отряда, в которой предписывалось откомандировать пограничника Ивановского с 9-й погранзаставы 92-го погранотряда в школу младшего начсостава погранвойск в город Коломью. Ну, наверное, излишне говорить о том, что произошло ровно через двадцать лет 12 апреля 1961 года. Но событие 12 апреля 1941 года стало для меня не менее памятным, если не сказать больше, потому что в этот день мне была сохранена жизнь. Судьба заставы оказалась трагичной. Как я узнал позже, вся наша застава погибла, все сорок человек. А мне суждено было пройти войну до самого её конца.

В 1943 году я был тяжело ранен, после лечения в госпитале вернулся в родной полк. Надо сказать, что начал я войну пограничником и тяжёлые первые месяцы служил в погранвойсках, дослужился до старшего сержанта, а в конце 1942 года судьба изменила моё воинское предназначение и я совершенно неожиданно стал кавалеристом. Я был направлен для дальнейшего прохождения службы в кавалерийский казачий корпус. Вместе с 8-й гвардейской кавалерийской дивизией 6-го гвардейского Кавкорпуса мне довелось закончить войну под стенами Праги 14 мая 1945 года. Отсюда совершенно неожиданно меня по решению командования направили в Москву для участия в Параде Победы. И 24 июня 1945 года я проходил по Красной площади вместе с парадным батальоном 2-го Украинского фронта. После краткого отпуска решением командования меня отправили в распоряжение Московского военного округа, где я прослужил до конца 1946 года, до увольнения из армии. По результатам обострившегося ранения мне дали инвалидность и назначили пенсию.

Когда я вернулся домой, естественно, встал вопрос: как жить дальше? А на пенсию в послевоенные годы жить было весьма трудно. И вот тогда я узнал, что

недалеко от Тайнинки, в Мытищах, есть некая организация – Научно-исследовательский институт связи Красной Армии, - куда принимали вольнонаёмных. Вот туда я и устроился работать на самую низшую должность лаборанта НО – это лаборант низшего оклада. Ну, что сказать о своей работе – самая что ни на есть черная работа. Проработал там я год. Однажды мой товарищ, с которым я дружил ещё до войны, при встрече рассказал мне, что он работает в Подлипках на фирме, которая занимается очень интересными вопросами. Ну, думаю, надо узнать поконкретнее. Товарищ остерегся рассказывать мне более подробно о тематике этой фирмы, но сообщил, что в принципе туда можно устроиться на работу и что условия там лучше, чем в моём институте, во всяком случае, там можно получать продуктовые «рабочие» карточки. С большим трудом я уговорил руководство, чтобы меня отпустили, поскольку в те годы существовал закон, категорически запрещающий самовольный переход с одного места работы на другое.

Я был принят в организацию, которая оказалась научно-исследовательским учреждением. Как сейчас помню, меня взяли в отдел, где начальником был Б.Е. Черток, и, к моему большому удивлению, сразу на должность техника. Очевидно потому, что я с детства увлекался техникой, моделизмом, радио, умел паять, знал, что такое радиосхемы и соответствующие радиоэлементы. И началась моя работа в так называемом отделе «V», под руководством Чертока. Скоро я познакомился с тематикой, узнал, что эта организация занимается изучением немецкой трофейной техники, которая была сосредоточена в этом институте и что одновременно шли проектные работы над «переводом с немецкого языка на русский», я имею в виду баллистическую ракету Фау-2 (аналогичная создавалась у нас под названием «единичка», Р-1). Вот так начал работать в этом коллективе, пока ещё не ОКБ С.П. Королёва, поскольку ОКБ организовалось несколько позже.

Примерно через год я стал старшим техником, иными словами, «показался» своему руководству, мне повысили оклад, а это были уже приличные деньги по сравнению с первым моим окладом 500 рублей (в переводе на сегодняшние деньги 50 рублей). Старшим техником я стал зарабатывать 1100 рублей, да плюс соответствующие рабочие карточки, «СП-2» и прочие спецпапки, которые иногда удавалось получить. Конечно, к этому нужно добавить и интереснейшую работу, хотя пока ещё в масштабах старшего техника.

Будучи старшим техником мне довелось принимать участие в пусках ракет, я ездил в командировку в Капустин Яр, участвовал в пусках так называемых «академических» ракет, которые предназначались для исследовательских целей. Это те самые «единички», их варианты, а затем «двойники», варианты с буквами «а», «е», «р» и так далее, на которых поднимали в космос собак, исследовательские приборы, я имею в виду вертикальные пуски. Вот после войны был такой период конверсии!

В 1952 году по решению правительства в трех вузах Москвы – МАИ, МЭИ и МВТУ – были организованы ускоренные двухгодичные курсы подготовки специалистов по радиотехнике. Было разрешено набирать специальный контингент. Мы понимали, что это было массовое пополнение специалистов-радиотехников,

радиолокационщиков, поскольку это направление становилось преобладающим и очень быстро развивалось, а таких специалистов до войны в Советском Союзе не готовили. Но правило было только одно – на эти курсы принимали людей, окончивших техникумы по этой специальности и имеющих соответствующий опыт практической работы. Техникума у меня не было, но, правда, к 1952 году я имел опыт практической работы, это и помогло мне стать студентом Московского энергетического института.

В течение двух с половиной лет я был студентом. Для нас сохранялось довольствие той фирмы, которая нас командировала, а мы обязаны были вернуться туда после окончания учебы. Я защитил диплом инженера в Государственной комиссии, председателем которой был вице-президент Академии наук СССР В.А. Котельников, у нас он заведовал кафедрой. В 1953 году я вернулся в Подлипки уже в должности инженера.

Через полтора года меня избрали в партийное бюро ОКБ-1, которое организовалось отдельно как самостоятельное подразделение под руководством Сергея Павловича Королева. В эти годы к нам пришел М.К. Янгель на должность начальника отдела, в котором я был секретарем партийной организации. С Михаилом Кузьмичом мы быстро сошлись. Он был направлен к нам после окончания промакадемии, причем он сменил Чертока – начальника отдела №5, который занимался вопросами радиотехники, систем управления, автоматики, гироскопии.

Первым секретарем партбюро ОКБ был Д.И. Козлов. Он являлся ведущим конструктором «семерки» – Р-7, поэтому работать освобожденным секретарем не мог. И тогда было принято оригинальное решение. Освобожденным сделали меня – первого заместителя Козлова. И год мы проработали в такой спарке. На следующий год меня выбрали уже освобожденным секретарем партбюро ОКБ-1, в этой должности я работал до середины 1957 года. В 1957 году Мытищинский горком партии (тогда еще Калининградского горкома не было) принял решение преобразовать парторганизацию ОКБ в самостоятельную, а все парторганизации на правах первичек подчинить общему большому парткому всего завода. Таким образом, партийное бюро ОКБ-1 ликвидировалось и, естественно, освобождалась моя должность. Мне предложили работать в большом парткоме, но я отказался.

В общем встал вопрос: что мне делать дальше? Как сейчас помню, при встрече Королев мне сказал так: «Ты лучше меня знаешь нашу фирму, и ищи какую хочешь должность, где считаешь нужным тебе работать, приходи ко мне и скажи, я подпишу приказ». Сами представляете – положение трудное, когда тебе предлагают самому искать себе работу. Выйти из этого «пикантного» положения помог мне М.С. Хомяков, которого в это время Королев назначил ведущим конструктором по подготовке первого спутника (это была вторая половина 1957 года). Однажды, я еще сидел у себя в партбюро, ко мне зашел Михаил Степанович Хомяков и предложил стать его заместителем. Я засомневался, но он «схватил меня за шиворот» и отвел к Сергею Павловичу, сказав, что я колеблюсь и так далее. Короче, последовало соответствующее объяснение с Королевым, и буквально на следующий день он

подписал приказ о моем назначении заместителем М.С. Хомякова. С самого начала мы с Хомяковым разделили работы таким образом: он занимался ракетой, а я – самим «шариком». И вот практически через 10 лет после начала моей трудовой деятельности я приступил к работе по космической тематике в должности ведущего конструктора.

Участвовал я, естественно, в подготовке к пуску 4 октября 1957 года первого спутника на полигоне, затем вместе с Хомяковым мы готовили второй спутник с Лайкой на борту. И вот после запуска второго спутника Сергей Павлович меня «высвободил из-под Хомякова» и назначил самостоятельным ведущим конструктором. Это был 1958 год. В 1958-1959 годах я занимался подготовкой и пуском трех спутников – «Луна-1», «Луна-2», «Луна-3». После запуска «Луны-3», которая облетела Луну и впервые сфотографировала ее обратную сторону, я получил звание лауреата Ленинской премии. Как сейчас помню, на полигоне Сергей Павлович перед пуском «Луны-3» сказал: «Сейчас машину пустим, здесь тебе делать нечего, лети на фирму и имей в виду: ты отвечаешь передо мной, перед страной, перед кем хочешь за «Восток». Учти, что ты будешь отвечать лично!» Кроме этой тематики, на меня, как на старшего ведущего конструктора, была возложена работа вообще по всем космическим темам и по всем космическим проектам, которые разрабатывались Сергеем Павловичем. Это и «Зениты», и корабли пилотируемые, и «Электронны», «Молнии» – все направления, которые «завязывались» в проекты. Они все замыкались на мне, на тех товарищах, которые были ко мне прикреплены. Моим заместителем по «восточным» делам был Е.А. Фролов (ему были переданы работы, когда я ушел из ОКБ).

Практически с начала 1960 года я занимался работами по подготовке пилотируемых кораблей. Первый так называемый простейший корабль (КП) был запущен в 1960 году (он должен был спуститься на Землю). Это был первый полет пилотируемого корабля, спускаемый аппарат которого не имел теплозащиты. Он ушел на более высокую орбиту. Затем несколько неудачных декабрьских пусков 1960 года, удачный августовский полет, когда слетали Стрелка с Белкой. Я участвовал и в поисковой группе. Сергей Павлович поручил мне, А.В. Палло и О.И. Козюпе из Орска найти спустившийся аппарат, вывезти его с места посадки и привезти на завод. В декабрьских пусках я не участвовал, там было подряд два неудачных пуска. Потом героический момент с пуском спускаемого аппарата на Подкаменной Тунгуске и на Нижней Тунгуске.

Как я уже говорил, мне не довелось участвовать в декабрьских пусках, потому что Сергей Павлович отправил меня в командировку на Кубу. Там мне (вместе с товарищами из нашего НИИ, из института М.С. Рязанского) довелось работать 10 дней. Затем в марте 1961 года состоялся запуск двух кораблей с манекенами, предгагаринские, «восточные» пуски и наконец 12 апреля 1961 года подготовка (я перечисляю основные вехи без подробностей) и пуск «Востока» с Юрием Гагариным. Есть документальные кинокадры: мы с Юрой наверху на стартовой площадке выходим из лифта перед посадкой его в корабль. Юра на первом плане, справа я стою, слева видна фигура ведущего конструктора с завода Федора Анатольевича Востокова.

После пуска «Востока» я, вернувшись на фирму, приступил к подготовке второго «Востока» для полета Титова. Но как-то в июне ко мне подошел Сергей Павлович и задал странный вопрос, значение которого я в начале никак не мог понять: «У тебя партбилет с собой?» Я ответил, что он не со мною, но он в моей рабочей комнате, как обычно в сейфе. – «Я тебя прошу, возьми, пожалуйста, партбилет и поезжай в ЦК партии, в Москву, к товарищу И.Д. Сербину, поезжай к нему, он тебя примет». – «А что случилось, Сергей Павлович?» – «Тебе на месте все скажут». Я, честно говоря, не придавал большого значения этому поручению, потому что в то время нас очень часто «таскали» по всякому высокому начальству для того, чтобы рассказать им подробности о первом полете человека. Я приехал к Сербину, зашел в кабинет. Дословно разговора я не помню, но смысл его сводился к тому, что принято решение о моем переводе в аппарат Совета Министров. Я стал говорить, что я человек от техники и не очень-то в этом деле понимаю. На что он ответил: «Вы сюда с партбилетом пришли. Имейте в виду, что можете уйти без партбилета». Я тогда был не очень искушен в подобных приемах и методах, поэтому у меня как-то неприятно засосало под ложечкой, я понял – сопротивляться бесполезно. Мне было дано время для того, чтобы завершить свои дела, рассчитаться на фирме, сфотографироваться и выйти работать в Кремль.

Я был назначен начальником отдела военно-промышленной комиссии Президиума Совета Министров СССР, начальником космического отдела, который должен был заниматься всеми вопросами развития космонавтики в Советском Союзе. Непосредственно руководил этой работой товарищ Г.Н. Пашков (известная фигура), а выше над ним (здесь мне здорово повезло) – Д.Ф. Устинов (одновременно он был зампредом Совмина и председателем ВСНХ). Устинов являлся самым высоким нашим руководителем. Ну, а потом, как известно, когда Д.Ф. Устинов ушёл в ЦК, его сменил Л.В. Смирнов. И вот в этой должности я проработал почти пять лет до конца 1965 года.

В конце 1965 года произошёл поворот в моей жизни, не без помощи Королёва. Он предложил мне перейти работать на машиностроительный завод им. Лавочкина заместителем Г.Н. Бабакина, который примерно в это же время был назначен главным конструктором. Сергей Павлович, как известно, передал туда часть своей тематики, связанной с созданием лунных, венерианских и марсианских автоматических станций. На это предложение я с удовольствием согласился, потому что Георгия Николаевича я знал ещё по Подлипкам. Он был переведен к Лавочкину в 1951 году с группой товарищей для того, чтобы укрепить кадры лавочкинских автопилотчиков. КБ Лавочкина тогда переходило на создание автоматических летательных аппаратов, и там специалистов-автопилотчиков не было.

В конце 1965 года меня освободили от работы в Кремле, и я перешёл в Химки на машзавод им. Лавочкина заместителем главного конструктора. В 1971 году было принято решение (приказ министра, решение коллегии) о назначении главных конструкторов по направлению. Я был назначен главным конструктором по лунному направлению, и Г.Н. Бабакин возложил на меня руководство работами по созданию

лунных автоматических станций. Это все наши автоматические станции, начиная с «Луны-16», и луноходы. Я совсем не хочу сказать, что один руководил всеми работами по лунной тематике. Руководил главный конструктор Г.Н. Бабакин, но большая часть вопросов замыкалась на таких, как я. Нас было в такой должности трое: я, В.Г. Перминов и А.Г. Чесноков. Перминов занимался вопросами дальнего космоса, венерианским, марсианским направлением, А.Г. Чесноков – прикладной тематикой, спутниками, а я – лунным направлением.

После завершения лунной тематики (последняя наша станция «Луна-24» в 1976 году доставила с Луны грунт, извлечённый с большой глубины с помощью барминского грунтозаборного устройства) моей «лебединой песней», как я называю её, была астрофизическая обсерватория «АСТРОН-1», которая, как известно, восьмой год успешно работает на орбите. В 1983 году после пуска, а я был техническим руководителем на пуске «АСТРОНа», ушел на пенсию. И, естественно, остался работать на фирме, где и продолжаю работать до сегодняшнего дня руководителем музея».

О.Г. Ивановский

1992 г.